

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

ДИНАСТИЯ: СВЯЩЕННИК-ХУДОЖНИК, ЕГО НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ

Текст – Игорь Алексеев

Фото – Андрей Шолыганов

Протоиерей Пётр Иванович Чулков – один из самых необычных современных священников. Его биография впечатляет. Вышедший из семьи потомственных ювелиров, он стал ярким талантливым представителем этой сложной профессии. В 1974 году Пётр Иванович был удостоен звания заслуженного художника РСФСР. Некоторые его работы стали произведением ювелирного искусства. К примеру, ваза «Весна», выполненная в традициях сканной техники, находится ныне в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга. В 1985 году, будучи старшим художником Красносельского ювелирного завода, он меняет место работы и уходит на творческую работу в Костромское отделение Союза художников РСФСР. А через шесть лет принимает сан священника и становится клириком Костромской епархии.

ПРОТОИЕРЕИ ПЕТР ЧУЛКОВ

– Отец Петр, известно, что Вы стали священником в зрелые годы. А между тем был большой жизненный путь, в котором вы проявили себя как талантливый художник. Как вы оказались клириком Костромской Епархии?

– У меня изначально была одна дорога – художника декоративно-прикладного искусства. Стремился к красоте – пришел к Богу. Не сам пришел – Господь незримо привел, потому и говорят, что пути Господни неисповедимы.

– Была ли заранее определена в вашей семье профессия ювелирного мастера-художника?

– Село Красное, где я родился, – это одно из самобытных сел в нашем Отечестве, которые уже с XV века занималась ювелирным промыслом. С давних пор красноселы работали с серебром и от Москвы и Киева до Средней Азии ездили они, продавая свой товар. Мои предки тоже занимались ювелирным делом. У моего прадеда Андрея Фёдоровича Чулкова была мастерская. Она представляла из себя отдельное помещение наподобие деревенской баньки. В селе Красном семейные традиции мастерства передавались из поколения в поколение, от отца к сыну, как это обычно и бывает в жизни. Так веками постепенно формировался и развивался красносельский ювелирный промысел. Поэтому семейные традиции касались и нашего рода Чулковых.

– Ваши родители были из села Красное-на-Волге?

– Мама моя из Омской области, из села Кобанье, а отец – потомственный красносел. Родители познакомились в Москве, какое-то время жили в Сибири, в родном селе матери, а позже переехали в село Красное. Здесь мой отец, Иван Андреевич Чулков, первое время трудился рабочим в электросети, потом гальваником в ювелирной артели «Металист». Позднее, уже в 50-х, преподавал студентам Красносельского техникума художественной обработки металлов гальванопластику и гальваностегию (электрохимические способы работы с металлами – прим. ред.). И я после окончания семилетней школы, в 1951 году, поступил в это учебное заведение и, окончив его через четыре года, был призван в ряды Советской армии.

– Поговорим о вере. В прошедшие времена было сложно выразить свои религиозные убеждения. Часто это было небезопасно. Ваша семья была христианской, как вы выходили из этого положения?

– Отношения с верой в советские времена действительно были сложные. Я всегда носил нательный крестик. Помню, в пятом классе на одном медосмотре в школе я снял рубашку, и все увидели крест: «А что это такое? Ну-ка снимай немедленно!» Я снял и положил его в карман. «Давай его мне!» - говорит учительница. Молчу, держу крестик в кармане, не отдаю. Потом вызывали в

школу отца, делали ему выговор, строго предупреждая о последствиях вплоть до лишения родительских прав, как бы сказали сегодня. Поэтому впервые сознательно я начал носить крест после посещения Псково-Печерского монастыря в 1977 году. Тогда мы со священником отцом Алексеем Розиним из села Здемирово (находится в километре от села Красное) и с писателем и поэтом Вячеславом Ивановичем Шапошниковым, моим другом, поехали в эту святую обитель к отцу Иоанну Крестьянкину. Там мы познакомились с монахом, отливающим нательные крестики, и я поделился с ним «секретами» красносельского мастерства. А он мне и Вячеславу Шапошникову подарил по кресту своего «производства». С тех пор я его и ношу, как благословение старца Иоанна Крестьянкина.

– *И где-то в этот промежуток времени для Вас открылась дорога пастырская?*

– Пришло время, и я стал постоянным прихожанином нашего красносельского храма Всех Святых. Через настоятеля храма отца Иоанна Ковальского я познакомился с владыкой Александром (Могилевым), епископом Костромским и Галическим. Он-то по прошествии определенного времени однажды и спросил меня: «Петр Иванович, а вы не думали стать священником?» «Нет, владыка не думал» – ответил я. «А вы подумайте!» – посоветовал владыка Александр. Прошла не одна и не две недели пока, казалось бы, случайно я снова встретился с владыкой Александром в Костроме. И подойдя под благословение, услышал вопрос:

– Ну, вы подумали, Петр Иванович?

– Да, Владыка, подумал.

– Ну, и как?

– Как вы скажете, Владыка – ответил я.

– Ну и добре... Идите к епархиальному духовнику, отцу Владимиру Степанову, он вам все скажет, что нужно делать.

Так я встал на путь служения Господу Богу. В 1990 году владыка рукоположил меня во дьяконы, а в 1991 году в день престольного праздника храма Всех Святых – во священнический сан во иерея. А через год он направил меня своим указом исполнять обязанности настоятеля красносельского храма Богоявления и восстанавливать эту древнюю святыню. Этот шатровый храм XVI века в советское время был закрыт и использовался как колхозный склад для хранения зерна. Последние годы он числился как «памятник архитектуры», оставаясь все в том же неприглядном состоянии поруганной православной святыни. В 1993 году в субботу накануне праздника Всех Святых впервые после более чем полувекового закрытия церкви прозвучали слова священника: «Слава Святей и Единосущней и Животворящей и Нераздельной Троице!» Богослужения начались в подклети и продолжались семь лет. Верхний храм ждал своего праздничного дня открытия, находясь в реставрации до 2000 года. Размышляя о прошедших годах, ставших уже частью истории села Красное, невольно задумываешься о том, что именно в год своего четырехсотлетия (1992), это древнее здание вновь обретает статус православного храма. С этого дня, начинает восстанавливаться приходская жизнь,

чтобы в год нового тысячелетия прославились чудные дела Господа Нашего Иисуса Христа в немощах наших, совершаемые. Не случайно сказано: «Сила Божия в немощах совершается». «Не нам, не нам, Господи, а тебе, Господи, слава во веки веков!»

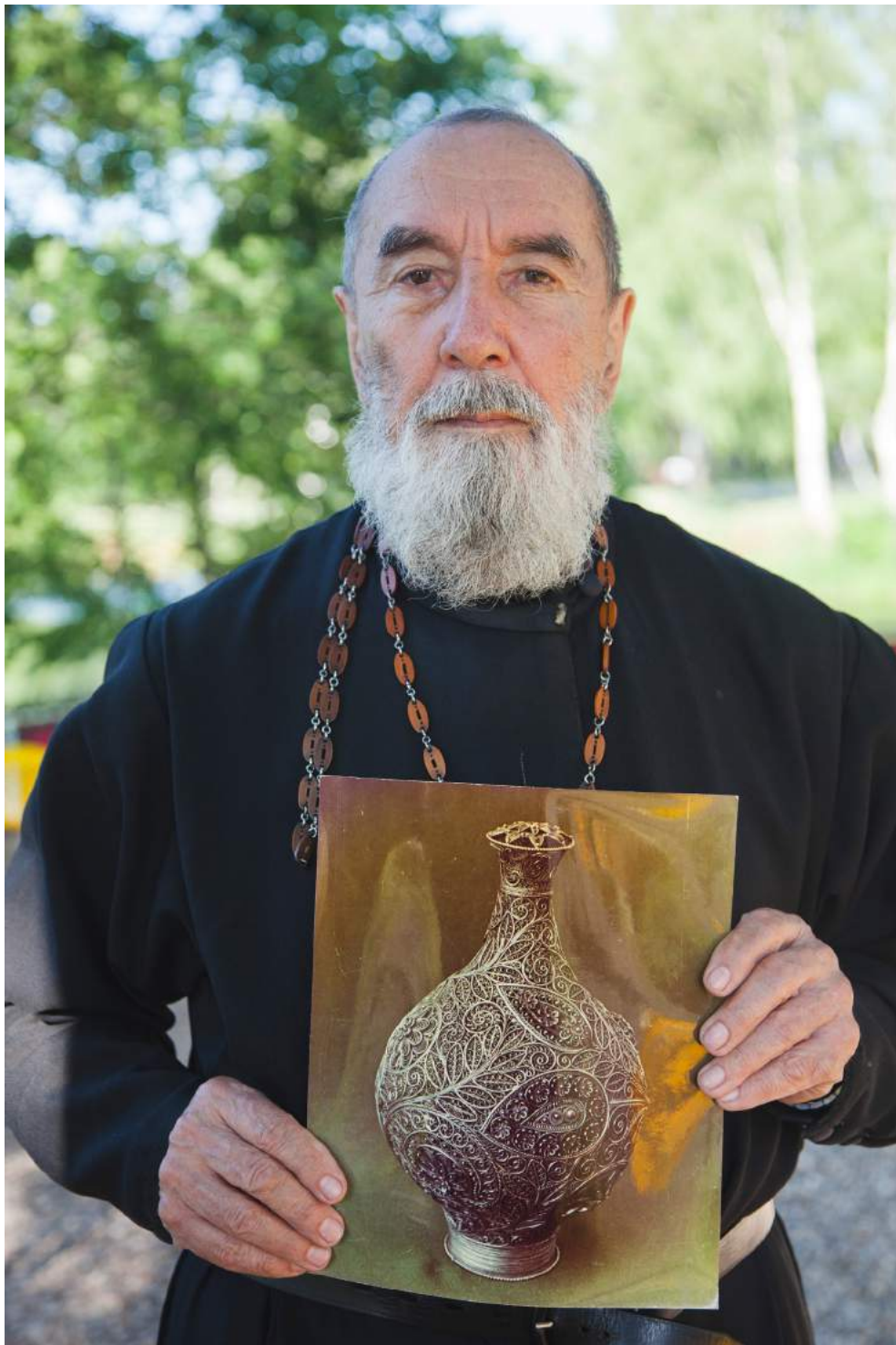
– А был ли какой-то случай в жизни, который показал Вам, что нужно идти дорогой художника?

– После окончания седьмого класса (он тогда был выпускным) мы с ребятами беззаботно купались на Волге. Я был еще далек от мысли о своем жизненном призвании. Но тогда уже, примерно с пятого класса, я занимался рисованием – срисовывал из журнала «Огонек» какие-то понравившиеся мне натюрморты или пейзажи. К седьмому классу я пробовать писать масляными красками. Я брал ящики из-под посылок, разбирая их, фанерки эти грунтовал обыкновенной, белой краской и на них пытался рисовать художественными красками. Конечно, это было примитивное детское увлечение.

К нам, купающимся, подошел, как потом выяснилось студент нашего техникума. Узнав, что мы окончили седьмой класс, в разговоре спросил: «Ну куда вы думаете поступать учиться?» Когда очередь отвечать дошла до меня, я сказал, что не знаю, а один из моих друзей произнес: «А он рисует!» Услышав это, молодой человек сказал: «Пойдем, посмотрим». Выяснилось, что он приехал доучиваться после армии в нашем Красносельском техникуме. Я привел его к нам в баньку, где мы жили, а там все мои работы висели на стене. Под потолком родительские иконы, а ниже – мои картинки. Просмотрев плоды моего детского увлечения, Иван Басанов (так его звали) категорично подытожил: «Поступай только в наш техникум!» Эта мысль, прозвучавшая впервые, утвердилась в моем сознании. В этом же году я поступил на первый курс Красносельского техникума художественной обработки металлов.

– Получается, что Иван помог определиться вам с профессией. А как родители восприняли Ваш выбор?

– Когда я вечером сказал о своем желании пойти учиться в наш техникум, родители меня поддержали. Мама была рада, потому что я не пойду в мореходное училище, куда звал меня мой старший друг Олег, который уже там учился. А отец резонно заметил: «Были в нашем роду ювелиры, и эта профессия прокормит и тебя». Так, я с полного согласия родителей поступил в Красносельский Техникум, который окончил в 1955 году, а осенью был призван на службу в ряды Советской Армии, демобилизован через год, осенью.

ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН ЧУЛКОВ

настоятель храма прп. Тихона Луховского в г. Волгореченске, сын отца Петра

– Отец Иоанн, Вы в своей жизни застали ту эпоху, когда о вере нужно было говорить с бесстрашием. Приходилось ли Вам попадать в ситуации, когда надо было защищать свои убеждения?

– Я проходил военную службу в Германии, и это была самая обычная советская воинская часть со всеми атрибутами того времени. Однажды во время политических занятий наш политрук как-то неожиданно перешел на религиозную тему. «Есть вера, но сейчас это воспринимается как пережиток прошлого. Сейчас в это никто верит. Правда ведь, ребята? Ну, скажите, кто верит?» А мы сидели нашим четвертым взводом где-то далеко на задних рядах. Там обычно ничего не было слышно. Все отдыхали – кто спал, кто общался. И тут совершенно машинально, даже для себя неожиданно, я встаю и говорю: «Я верю». Какой был конфуз у этого майора, надо было видеть! Он очень неловко вышел из этой своей темы и ничего не стал мне отвечать. Мои сослуживцы оборачивались в мою сторону и уже потом подходили ко мне и совершенно серьезно, без иронии, интересовались и задавали разные вопросы о вере.

– Как случилось пойти Вам по стопам отца-священника?

– Как-то мы разговаривали с папой, и я спросил его: «А тебе не жалко было в свое время оставить мастерскую, свой коллектив, свои работы?» И он мне ответил: «Ты знаешь, для меня этот шатровый храм словно ваза, последняя, самая важная, заключительная работа...» И вот в этот момент я для себя неожиданно понял глубокую мысль моего отца. Православие может вообще соотноситься с любым, самым разнообразным человеческим творчеством. Его можно сравнить с педагогикой – там есть учительство. Его можно сравнить с воинской службой – там есть выдержка, послушание и дисциплина. Его можно сравнить с медициной – мы ищем лекарство от духовных недугов. Православие – это и поэзия души, и поиск вечного и прекрасного. Это все то, чем может и должен жить русский человек.

ГРИГОРИЙ СИНЕНКО, ВНУК ОТЦА ПЕТРА ЧУЛКОВА

– Григорий, расскажите, стоял ли вопрос в выборе вашей профессии.

– Вопрос о выборе профессии не стоял: я с детства знал, что хочу быть ювелиром. Желание работать с металлом возникло еще в школе. Еще совсем маленький я приходил в мастерскую к отцу и подрабатывал в ювелирных цехах заготовщиком или алмазчиком. Меня тянуло туда с непреодолимой силой, и дело не в деньгах или желании мальчишки заработать самому – мне доставляло удовольствие работать руками. После школы я поступил в технологический университет на совсем новую специальность «Художественное проектирование ювелирных изделий». Учеба меня не напрягала, но скажу честно: прогуливал часто, иногда приходя лишь на зачеты и экзамены. Но институт дал мне больше, чем диплом специалиста, – там, я познакомился с будущей женой. Мы учились в одной группе, это была любовь с первого взгляда.

– Григорий, сейчас Вы уже владелец собственной мастерской. Что она из себя представляет? Как она зарождалась?

– Многие могут подумать, что если ты рос в семье ювелиров, то делать ничего не нужно. Но это, конечно, не так. Путь был непростой, ведь фамилия Чулковых-Синенко была всегда на слуху. Мне нужно было не подвести семью и заработать авторитет среди многочисленных ювелиров.

Еще в вузе я сам занимался изготовлением ювелирных изделий – монтировал и крепил камни. Вместе с женой мы нарабатывали бесценный опыт. Потом мы стали заниматься, как говорят в Красном, «церковкой» – выполнять заказы для Церкви. Это было не обдуманное решение, а душевный позыв: в Церкви люди добрее, чище, честнее. Но мне было очень скучно изготавливать «заезженные» красносельские модели. Для себя, для души я сделал несколько авторских изделий. Их увидели наши друзья и клиенты. Сказали, что им нравится, что они ничего подобного не видели, – и заказали для себя. Удивить их, поверьте, сложно!

Нашему православному ювелирному производству «Иордань» всего несколько лет – мы молодое и креативное производство. Развивались, впрочем, постепенно: сначала рождались модели, а для их реализации требовались новые материалы, технологии, новые мастера. Кого-то искали мы, кто-то искал нас. Когда запускали цех горячего эмалирования, специалистов не было. Учили с нуля. Моя супруга, Ольга, разговорившись с прихожанками красносельского храма, позвала к их к нам в ученики. Так постепенно сформировался коллектив единомышленников, людей понимающих, что они делают не просто украшения. И в том, что мастерская появилась, и в том, в каком виде она сейчас существует, мы видим Божий Промысел.

– *Григорий, вопрос о вере. У вас большая семья, много священников. Вас не посещала мысль пойти в семинарию, пойти служить Богу?*

– Путь к вере у каждого свой, особенный и неповторимый, и служение Богу может быть разным. В каждом нашем изделии мы славим Господа. Наша мастерская занимается изготовлением личных святынь, сочетающих в себе православные традиции и современные тенденции в ювелирном искусстве. Мне очень хочется, чтобы православные люди и в повседневной жизни с гордостью носили изделия «Иордани», как постоянное напоминание о Боге и жизни вечной, были бы горды называться православными! Как говорится, если у тебя есть нужда – обратись к Богу. Если у тебя нет нужды – поблагодари Бога! Каждое наше изделие призывает к этому.

Сейчас наконец-то после стольких лет безбожия и неверия в церкви стало приходиться много молодежи, это радует. Они полюбили и оценили наши изделия. Глаз радуется, когда видишь в храме и в миру достоинство наших девушек и силу наших мужчин – улыбающихся и не унывающих. Еще в Евангелии от Луки сказано, что нужно всегда молиться и не унывать! Но ни в Евангелии, ни у святых отцов нет ни слова о том, что нужно быть серым и скучным. Я много путешествую по России и всегда рад видеть стильных матушек, мудрых батюшек и их прекрасные семьи! Наши изделия помогают подчеркнуть их красоту. В каждое изделие мы вкладываем душу, это не пустые слова!

– *А отец Пётр и отец Иоанн осуществляют духовное руководство вашей деятельностью? Помогают ли делать качественные изделия и с точки зрения канонов?*

– Да, конечно. У нас своеобразный художественный совет, и мнение отца Петра играет большую роль. Часто в соавторстве с нами выступают батюшки и монахи. В результате получаются весьма нестандартные, но наполненные духовным смыслом изделия. Например, у нас есть несколько православных цепей с черепами. Один священник заказал себе такую на иерейскую цепь: для него это были души грешников, отпетые им. Отец Петр, увидев ее, сказал: «Пусть будет, но дальше идти не стоит». И эту тему мы больше не развивали. Для нас большая радость, что есть с кем посоветоваться, у кого попросить молитвенной помощи.

Так что в нашей большой семье я являюсь продолжателем художественно-ювелирной традиции. Мне нравится, что я делаю, чем занимаюсь, – для меня это жизнь. Слава Богу за это!